

УДК 343.231:342.92

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.435-441

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Институт международного права и правосудия
Московского государственного лингвистического университета,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ КАК КРИТЕРИЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Для цитирования

Казакова, В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений / В. А. Казакова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 4. – С. 435–441. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).4.435-441.

Аннотация. Предметом исследования в статье является категория «общественная опасность», ее критерии, их учет при внесении изменений в уголовное и административное законодательство. На основе изучения доктринальных позиций, статистических данных и судебной практики критически оценивается динамика уголовного и административного законодательства на примере трансформации норм об административной и уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Анализу подвергаются изменения статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации, регуливающей классификацию преступлений по категориям общественной опасности. В качестве доказательств отсутствия единообразного подхода к оценке общественной опасности приводятся уголовно-правовое значение и особенности учета законодателем некоторых обстоятельств (на примере экстремистских мотивов, связанных с политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, а также ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы, и использования лицом своего служебного положения). Особое внимание уделяется реанимированию норм уголовного законодательства, построенных с учетом административной преюдиции, отсутствию обоснования их выбора для включения в Уголовный кодекс Российской Федерации. Рассматривается законопроект о закреплении понятия «уголовный проступок», анализируется его правовая природа и место в системе деликтного законодательства, обнажаются недостатки законопроекта и негативные последствия введения его в действие. На основании исследования делается вывод о разрушении системности уголовного законодательства, связанном с динамически

© Казакова В. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

происходящими процессами криминализации (декриминализации), пенализации и изменения карательной составляющей отдельных видов наказаний. Вскрываются межотраслевые коллизии, возникающие в связи с внесениями изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Прогнозируется дальнейшая тенденция сближения административного и уголовного законодательства.

Ключевые слова: общественная опасность, криминализация, декриминализация, пенализация, виды наказаний, принудительные работы, ограничение свободы, интеграция уголовного и административного законодательства, административная преюдиция, уголовный проступок, нарушение правил дорожного движения, состояние опьянения.

Уголовная политика последнего десятилетия демонстрирует устойчивую тенденцию к интеграции уголовного и административного законодательства. Отношение к этому специалистов различно и даже диаметрально противоположно. Большинство исследователей этой проблемы склоняются к необходимости обособления этих отраслей и проведению четких границ между ними. Обоснование разграничения уголовного и административного права находится в сфере понятийных различий правонарушения и преступления. Никто не оспаривает их соотношения как целого и части (в данном случае дисциплинарные и гражданско-правовые правонарушения во внимание не принимаются). Однако какую долю составляет (должно составлять) в нем преступление – вопрос, решаемый неоднозначно. Следуя формальному признаку, объем преступного определяется содержанием Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Административное законодательство, состоящее как из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), так и из других источников федерального и регионального уровня, неизмеримо больше и разнообразнее. Граница между ними весьма подвижна и нестабильна. Ее определение – прерогатива федерального законодателя.

Понятия преступления и административного правонарушения во многом схожи и содержат одинаковые признаки: противоправность (уголовная или административная), виновность, наказуемость. Материальный признак – общественная опасность – присутствует в определении преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), но не упоминается в КоАП РФ (ч. 1 ст. 2.1). На этом основании ранее превалировала точка зрения об отсутствии признака общественной опасности у административного правонарушения, речь шла о его общественной вредности. Хотя общепризнанного качественного отличия у данных понятий нет, а лингвистическое толкование весьма условно и субъективно. Эта позиция имела достаточно реальные объяснения, связанные с меньшей вредоносностью названных деяний и менее строгой их наказуемостью. В настоящее время сторонников этой позиции гораздо меньше. Большинство административистов справедливо настаивают на наличии общественной опасности как признака административных правонарушений [6].

КоАП РФ не только стремительно увеличивается в объеме, но и проявляет явную тенденцию к усилению наказуемости. Только за восемь месяцев 2019 г. усилена административная ответственность по десяти составам. За этот же период появилось двадцать новых административных правонарушений. Суть современной превалирующей точки зрения сводится к тому, что «вне зависимости от того, какой нормой права урегулировано деликтное правоотношение, как раз сам деликт несет в себе общественную опасность, различаемую лишь по характеру и степени общественной опасности» [3]. В связи с этим

возникает вопрос о критериях общественной опасности. Классический подход к этому понятию позволяет считать ее объективной категорией, складывающейся из таких криминообразующих компонентов, как: общественно опасные последствия (вред, ущерб); форма вины, способ деяния (насилие, обман, использование служебного положения, групповое совершение), мотив и цель, специальный субъект [7; 8, с. 178]. Часть этих признаков является составообразующими, влияющими на определение состава преступления как привилегированного или квалифицированного. Остальные устанавливаются в процессе привлечения к ответственности конкретных виновных. Учет этих критериев необходим, прежде всего, законодателю при принятии решения о криминализации / декриминализации деяний, об установлении обоснованных санкций, выделении квалифицирующих признаков.

Цель законотворческого процесса в идеале – познание общественной опасности, объективно существующей на данный момент, и закрепление ее оценки в законодательстве путем формулирования состава преступления (или иного правонарушения) и конструирования санкции за него. Однако четкого алгоритма, законодательного механизма выбора видов и размеров наказания в принципе не существует. Попыткам разработки каких-либо закономерностей и правил криминализации посвящено много публикаций [1, 2, 9], но они законодателем не учитываются. Доказательство этому – многочисленные изменения деликтного законодательства, касающиеся и криминализации, и пенализации, нередко хаотичные, противоречащие друг другу, нарушающие системность нормативного акта. Примеров тому множество: развал промышленности в 1990-е годы привел к отказу от условного осуждения с обязательным привлечением к труду, по УК РФ 1996 г. эта мера была переименована в ограничение свободы, но до 2010 г. это наказание не действовало, после чего возродилось в абсолютно другой редакции, не имеющей ничего общего с первоначально предусмотренной этой статьей УК РФ. В конце 2011 г. появилось новое для России наказание – принудительные работы, которое стало применяться лишь с 1 января 2017 г., когда открылись первые четыре исправительных центра, начавшие принимать осужденных к принудительным работам, прообразом которого и было условное осуждение с обязательным привлечением к труду.

Между тем ограничение свободы, по сути, свелось к домашнему аресту, чья карательная сущность неизмеримо меньше, чем в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. Это повлекло за собой искажение иерархии наказаний, последовательность которых в перечне (ст. 44 УК РФ) задумана как постепенное увеличение строгости от штрафа до смертной казни. Да и штраф до полумиллиарда рублей вряд ли можно теперь назвать самым мягким наказанием. Смертная казнь как вид наказания по сей день остается в УК РФ, но не применяется согласно вердикту Конституционного Суда РФ, чей запрет на назначение и применение смертной казни не вполне отвечает его компетенции.

Отсутствие каких-либо правил и границ в процессе внесения изменений в законодательство отразилось и на одной из ключевых статей Общей части УК РФ – ст. 15, предусматривающей классификацию преступлений по категориям. В первоначальной редакции Кодекса все преступления подразделялись на четыре категории по тяжести. При этом учитывался единственный объективный критерий – форма вины. Наказуемость же отражала представление законодателя о характере и степени общественной опасности опосредованно через назначенную максимальную санкцию (соответственно по категориям: до двух, пяти, десяти и свыше десяти лет лишения свободы). При этом неосторожные деяния могли быть только небольшой или средней тяжести. Каким образом должны учи-

ываться иные качественные и количественные составляющие общественной опасности, законом не предусматривается.

Вносимые в 2011 г. изменения в ст. 15 УК РФ коснулись перераспределения преступлений между категориями небольшой и средней тяжести, к первым были отнесены деяния с максимальным сроком до 3 лет лишения свободы. Этим же законом суду было предоставлено право понижать на одну ступень категорию тяжести при отсутствии отягчающих обстоятельств и наличии смягчающих, а также при определенных границах назначенного этим же судом наказания. Презюмируется, что суд таким образом добавит учет иных критериев общественной опасности, проявляющихся в конкретных уголовных делах. Кроме того, исключение из многих санкций нижних границ лишения свободы практически ничем судью не ограничивает, когда за одно и то же деяние можно законно назначить от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы. Большинство юристов это оценивается как коррупциогенная мера, которая «не отвечает в полной мере требованиям системности уголовного права» [5, с. 46].

Федеральный закон от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ выделил среди преступлений, совершенных по неосторожности, еще одну категорию – тяжкие преступления, которые наказываются лишением свободы сроком свыше десяти до пятнадцати лет.

В ст. 15 УК РФ ничего не сказано об объекте посягательства, тяжести последствий, способе деяния, его мотивах и целях, смягчающих или отягчающих обстоятельствах. Отображение их в статьях Особенной части УК РФ никакой логической системы не имеет. Например, совокупность мотивов, объединяемых под термином «экстремистские» (по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в преступлениях экстремистской направленности и хулиганстве является составообразующим признаком, в преступлениях против жизни и здоровья, а также в вандализме, надругательстве над телами умерших и местами их захоронения – квалифицирующим, в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления – особо квалифицирующим, в остальных преступлениях учитывается как обстоятельство, отягчающее наказание.

Такой часто упоминаемый признак, как «совершенное лицом с использованием служебного положения», кроме преступлений, где должностное лицо является специальным субъектом, двадцать девять раз употреблен как квалифицирующий, двадцать восемь раз – как особо квалифицирующий и также может быть отягчающим. Как именно подобные обстоятельства влияют на конструкцию санкций – неясно.

Влияние уголовной политики на оценку общественной опасности ярко проявляется на примере статьи о нарушениях правил дорожного движения. В редакции 1996 г. оно считалось преступлением при наступлении не только смерти человека или причинения ему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, но и крупного ущерба. Далее эта норма последовательно частично декриминализировалась. Через два года это преступление с последствиями в виде материального ущерба было переведено в разряд административных правонарушений, а еще через пять лет уголовно наказуемыми оказались лишь деяния, повлекшие за собой тяжкий вред здоровью человека, смерть человека или нескольких лиц. В дальнейшем наблюдается процесс ужесточения ответственности за нарушение правил дорожного движения, что объясняется переоценкой общественной опасности совершения преступлений в состоянии опьянения. Норма о наказуемости управления автомобилем в нетрезвом состоянии была исключена из УК РСФСР в 1992 г. (в УК РСФСР 1960 г. совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опья-

нения, было в числе обстоятельств, отягчающих ответственность. Законодатель в ст. 39 УК РСФСР давал суду право в зависимости от характера преступления не признавать это обстоятельство отягчающим ответственность. Если в первоначальной редакции Кодекса оно согласно ст. 23 УК РФ считалось не влияющим на ответственность, то в соответствии с Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ по решению судьи состояние опьянения может быть признано отягчающим наказанием обстоятельством). Кроме того, в 2009 г. в ст. 264 УК РФ были добавлены части 2, 4 и 6 с квалифицирующим обстоятельством «совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения», которые в 2019 г. снабжены уточнением, исключающим возможность такому водителю скрыть свое состояние опьянения – «сопряжено с оставлением места его совершения». В 2014 г. в Кодекс введена статья 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», предусмотревшая уголовную ответственность с административной преюдицией или при наличии судимости. Специалисты справедливо отмечают такое сочетание составообразующих признаков как нехарактерное для техники построения норм Особенной части УК РФ, хотя и не совсем точно отождествляют судимость с рецидивом, поскольку последний не распространяется на совершение преступлений по неосторожности [5, с. 785]. Сама по себе общественная опасность преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, вряд ли так же изменчива, как ее оценка законодателем.

Придание признака общественной опасности административным правонарушениям породило в литературе дифференциацию этого понятия на криминальную и административную общественную опасность, но не внесло ясности в их содержание. Наличие норм с административной преюдицией и тенденция к их расширению только сблизили эти понятия. В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. не содержал таких норм.

В 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев в послании Федеральному Собранию Российской Федерации призвал к реанимированию административной преюдиции в уголовном праве с целью либерализации и гуманизации уголовного законодательства на основе принципов неотвратимости, справедливости и соразмерности наказания, а также сокращения числа осужденных к лишению свободы за действия, не представляющие повышенной опасности для общества. Первоначально было сформулировано 12 таких составов, однако законопроект был отклонен.

В 2015 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты федеральных законов по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности. В них была предусмотрена декриминализация ряда уголовно наказуемых деяний с введением аналогичных административно наказуемых. Наибольший резонанс вызвали предложения о частичной декриминализации побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 119 УК РФ).

К настоящему времени административная преюдиция предусмотрена в четырнадцати составах Особенной части УК РФ и в трех – речь идет о неоднократности совершения как условия привлечения к уголовной ответственности (данные по состоянию на 1 октября 2019 г.), в том числе это ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию». Декриминализация ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» была отклонена законодателем. В пояснительных записках к проектам по введению составов с административной преюдицией нет объяснения внимания к этим составам, что показывает их произвольный выбор без научного или практического обоснования их перечня.

Сомнения специалистов относительно декриминализации некоторых составов, в частности побоев, аргументируются тем, что в административном праве отсутствуют институты соучастия, неоконченного преступления, исключена возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Сторонники новации (административной преюдиции для побоев) приводят аргументы об упрощенном привлечении к ответственности. Если в 2015–2016 гг. к уголовной ответственности за побои привлекалось около 22 тыс. лиц ежегодно, то в 2017 г. общее количество привлеченных по административной и уголовной ответственности составило 113 702 чел., а в 2018 г. – 121 838 чел., причем из них к уголовной ответственности привлечено всего 373 и 1146 чел. соответственно. Таким образом, административная наказуемость не только практически полностью заменила уголовную, но и превысила ее более чем в 5 раз, что, несомненно, свидетельствует в пользу реализации принципа неотвратимости ответственности, пусть и административной, тем более что наказуемость таких побоев по меркам административного права достаточно суровая – административный штраф в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шести десяти до ста двадцати часов.

Еще один тесно примыкающий к обсуждаемой проблеме вопрос касается возможного введения в юридический оборот термина «уголовный проступок». Анализ дефиниции приводит правоведов к практически единодушному выводу о том, что уголовный проступок будет промежуточным звеном между административным правонарушением и преступлением, займет место категории преступлений с наименьшей общественной опасностью. Принятие законопроекта, по сути, разделит на две части категорию преступлений небольшой тяжести. Элементы гуманизации в этом нововведении это: снижение продолжительности и размеров иных мер уголовно-правового характера по сравнению с наказанием и отсутствие судимости в случае успешного отбытия такой меры, в то время как сейчас судимость погашается по истечении одного года после окончания наказания.

Такие же последствия для виновного может повлечь за собой впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести, если лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. В данном случае речь идет не об обязанности, а о возможности суда освободить лицо от ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера. Современный тренд уголовной политики и судебной практики направлен на сокращение лишения свободы за преступления небольшой и средней тяжести. В настоящее время подавляющее большинство осужденных (75,6 %) относятся к этой категории (по данным за январь – август 2019 г.). Не исключены также трансформация тяжкого преступления в категорию средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ и освобождение от уголовной ответственности с применением иной меры уголовно-правового характера. Это приведет к значительному сокращению числа лиц, отбывающих лишение свободы, так как согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 г. 81 % – это осужденные на срок до 5 лет.

Содержание споров о правовой природе проступка сводится к разным позициям о том, к чему он ближе – к преступлению или административному деликту. «Конкурентами» в иерархии деликтов являются преступления с административной преюдицией. Неясна также граница с малозначительными деяниями, которые упоминаются как в УК РФ, так и в КоАП РФ. При этом определения малозначительности в КоАП РФ не содержится.

Если совершение преступления служит основанием для привлечения лица к уголовной ответственности, то уголовный проступок предусматривает освобождение от нее. В связи с этим М. А. Кауфман справедливо отмечает: «Чтобы сам факт совершения преступления, пусть и впервые, ложился в основу принятия решения об освобождении – это нонсенс» [4, с. 352]. Однако, по мысли законодателя, освобождение от ответственности связывается с мерами уголовно-правового характера, представляющими собой уменьшенные по размерам и срокам наказания. Карательное воздействие таких мер гораздо ближе к наказанию, чем к освобождению от него, а тем более – к освобождению от ответственности. Отсутствие ощутимых критериев разграничения общественной опасности приводит специалистов к различным и даже противоположным выводам. Высказываются различные мнения, касающиеся как необходимости более четкого разграничения уголовной и административной ответственности, так и их сближения.

Можно по-разному относиться к решению этой проблемы, но в реальности приводимые аргументы доказывают, что происходит процесс межотраслевой интеграции публичных деликтных отраслей, который в перспективе может привести к образованию единой отрасли законодательства.

Библиографический список

1. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации // Черные дыры в Российском законодательстве. 2002. № 2. URL : <http://www.k-press.ru/bh/2002/2/rantonov/rantonov.asp> (дата обращения: 20.03.2019).
2. Дядькин Д. С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 2009. 46 с.
3. Карлов В. П. Материальный признак общественной опасности как критерий различения преступления и административного нарушения (содержательный и семантический анализ) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 1(80). С. 59–63.
4. Кауфман М. А. Уголовный проступок: процесс идентификации продолжается // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 347–353.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2016. 1040 с.
6. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. 2015. № 3. С. 24–44. DOI : 10.7256/2409-7543.2015.3.15941.
7. Лопашенко Н. А. Межотраслевая дифференциация: модель критериев, учитываемых при криминализации деяний // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 131–136.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
9. Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 1(80). С. 99–104.